

БАРАНОВА А. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БАРАНОВА Анна Ивановна, родилась в 1890-х в Санкт-Петербурге, где и проживала. С 1915 — работала на фабрике Гознака, участвовала в забастовках, за что увольнялась с фабрики. После революции получила среднее образование, работала на предприятии; вступила в ряды ВКП(б). Вышла замуж, в семье — двое детей, с 1923 — вдова. В период 1927-1930 — выезжала в деревню для помощи в организации колхозов. 7 августа 1937 — приговорена к 5 годам ссылки в Казахстан, выехала с матерью и детьми в Актюбинск. 27 августа 1937 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«27/VIII – 37 г<ода>».

Товарищ Пешкова!

Обращаюсь к Вам с просьбой и надеждой на справедливое решение по моему делу.

7 августа с<его> г<ода> отделением НКВД 1 гор<одского> района гор<ода> Ленинграда мне было предложено выехать из Ленинграда в 5-ти дневный срок в Казахскую ССР, Актюбинскую область со всей семьей, состоящей из меня, моей дочери 16½ лет, сына 14 лет и матери 68 лет. Считая, это решение неправильным, я подала заявление обл<аственному> прокурору Лен<инградской> обл<асти> тов<арищу> Позери, но не получив никакого ответа, вынуждена была уехать. В настоящее время нахожусь в гор<оде> Актюбинске на особом учете НКВД.

Насколько мне известно, мое выселение из Ленинграда связано с исключением из рядов ВКП (б) за связь с контрреволюционером, Вас<илием> Михайлов<ичем> Самойловым, осужденному по ст<атье> 58 п<ункт> 10 на 5 лет испр<авительно>-труд<овых> лагерей и в настоящее время находящемся в Коми АССР <в> Ухтпечорских лагерях.

Я до настоящего времени так и не знаю ничего контрреволюционного за Самойловым, с которым жила совместной жизнью 2-3 мес<яца>, а знала его около 3-х лет по работе в деревне.

Если он, действительно, контрреволюционер, а не психически больной человек, каковым я его считала, то неужели нельзя простить мне единственную ошибку во всей моей безупречной трудовой жизни и заставлять невыносимо страдать морально и физически не только меня, но ни в чем не повинных моих детей, воспитанных в непоколебимой вере в справедливую советскую власть, мою больную старую мать, которая воспитала меня и помогала растить мне детей трудом своих мозолистых рук. Мои дети сейчас просто недоумевают. Как могло получиться, что их мать, которая была для всех примером как в быту, так и на работе, которая оставила их с бабушкой и уехала работать в деревню, работала в тяжелых условиях, по 40-50 км во всякую погоду ходила пешком проводить в жизнь решения партии и правительства, а сейчас исключена из партии и выселена, как политически неблагонадежный элемент из Ленинграда. Неужели я, имеющая коренных ленинградских рабочих отца, деда и прадеда, сама рожденная в Ленинграде, имеющая 22 года производственного стажа из всей своей 37 лет жизни оказалась менее политически благонадежной тех людей, которые являются детьми кулаков, хозяйчиков, женами разных бывших людей, спокойно оставшимся жить в Ленинграде. Эти люди побросали свои х<озяйст>ва в деревне, убегая от колхозного строительства, приехали в Ленинград, когда он уже жил полной производственной жизнью, а тогда, когда в 1918-20 годах требовались рабочие руки, чтобы не стали фабрики и заводы, их не было, все они были в своей деревне у сытного стола. Я же в числе других ленинградских рабочих ни на минуту не оставляла производства, не ездила за хлебом,

терпела холод и голод, а пилила дрова, выгружала из барок, шла туда, куда требовалось, чтобы поддержать производство. Я испытала на себе всю тяжесть самодержавного строя, увольнялась за забастовки с ф<абри>ки Гознак, голодала, не видела веселых дней своей молодости при царизме, и всеми силами помогала советской власти и коммунистической партии с самой революции. За что же меня карать, я никак не понимаю, не сплю ночей от горькой тяжелой обиды.

Какая непреодолимая энергия и сила руководила мной при выполнении любого, данного партией, задания. Я забывала семью, усталость, шла вдохновленная партийными руководителями на поручаемое мне дело. Даже незначительная неудача заставляла меня страдать. В большинстве, чтобы мне не поручалось, я выходила с честью для большевика. А теперь я выброшена за борт, не нужна, я не верю этому до сих пор, хотя действительность налицо. Мне все кажется, что произошла ошибка, меня восстановят в партии и во всех остальных правах. Не так мне нужен Ленинград, все то, что приобреталось тяжелым трудом меня и матери, пошло прахом за бесценок, нечего там и делать, не имея квартиры и самого необходимого для нее. Мне дорого вернуть имя честного человека, каким я себя считаю. Мне дорого звание честного коммуниста, которого я сейчас лишена. Невозможная вещь открыть свою душу, но, если бы кто понял, как невыносимо я страдаю, легче вообще не существовать, чем испытывать такие моральные мучения. Может быть, я пишу много лишнего, а нужное забываю, но иногда мне кажется, что я не выдержу и сойду с ума. Товарищ Пешкова, Вы женщина, и я думаю, что постараетесь вникнуть в мое горе, как просто человека и матери, которая в течение 15 лет воспитывала своих детей одна без мужа. Воспитала их советскими гражданами, активными, способными детьми, сейчас обреченными на неизвестное будущее. Отец моих детей умер в 1923 г<оду>, демобилизованный после 8 лет пребывания во флоте. Всю гражданскую войну был на фронте, а сейчас мои дети и мать страдают из-за чужого им человека, который ни морально, ни материально не участвовал в их воспитании.

Если я виновата, если Самсонов действительно контрреволюционер, но я-то этого не знаю и являюсь ненужной жертвой.

Ведь прощали людей с тяжелыми политическими преступлениями, которые впоследствии оказывались предателями. Неужели нельзя проверить всю мою прошлую жизнь, не имеющую ни одного пятна. Неужели нельзя простить мне случайную ошибку.

Помогите мне, не губите своих же людей, воспитанных советской властью и партией. Ведь только при существовании их я стала человеком, получила при своем упорном ночном труде образование, которого раньше не имела. Несмотря на то, что я исключена из партии, я иногда не могу разделить взгляд людей о неправильной политике в части выселения из городов. Проверьте, где я что-нибудь высказала в этом направлении.

Но ведь могут быть и ошибки, которые легко исправить, разобравшись, как следует с делом. Повторяю, мне не обязательно возвращение в Ленинград, восстановленная в партии и в остальных правах я могу не меньшую пользу приносить в любом месте Советского союза и, хотя бы в г<ороде> Актюбинске, где сейчас нахожусь. Моя дочь Лидия, 16½ лет, уже несколько лет болеет тяжелой формой нервного заболевания и сейчас крайне тяжело переживает все это. Не делайте несчастными молодое поколение, помогите мне. Прошу Вас, разберитесь с моим делом, дайте мне ответ, так тяжело, когда пишешь и, на всю высказанную боль, никак не реагируют. Надеюсь, я буду благодарна на всю жизнь.

Баранова Анна Ивановна.

Казахская ССР, гор<ода> Актюбинск,
ул<ица> им<ени> Сталина, д<ом> № 75»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1594. С. 51-54. Автограф.